

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА (1846 — 1891 гг.)

Второе издание с портретом автора, факсимиле и статьей П. И. Вейнберга.
Издание А. А. Плещеева. СПб., 1894

За исключением мировых гениев, каждый талантливый поэт есть сын своего века и народа. Стало быть, пережитая им эпоха в произведениях такого писателя должна иметь ясное отражение. По законам наследственности от родителей воспринимаются детьми или их хорошие качества, или дурные, или те и другие вместе.

О талантливом и в высшей степени симпатичном покойном поэте А. Н. Плещееве можно смело сказать, что он был наследователем от своей эпохи и отражением ее лучших стремлений, мечтаний и упований.

Все, что пережило благородного, честного и гуманного русское обновленное общество 60-х годов, — все это нашло отклик в сердце чуткого поэта.

Муза А. Н. Плещеева, порою нежная, порою грустная и плачущая искреннею слезой, порою же восторженная и энергичная до призыва честных людей на бой со злом и неправдой, не может не пробуждать добрых чувств в самом зачерствелом сердце. Как не было личных врагов у поэта при жизни, так не может быть у него литературных противников и после смерти. Трудно себе представить такое извращение критического вкуса, которому претило бы прекрасное и ненавистно было бы доброе и справедливое.

В Плещееве вылился полный, характерный тип поэта-шестидесятника. Этот тип тем более будет симпатичен будущим поколениям, чем дальше он будет уходить в глубь истории.

Потомок раскроет книгу и увидит и поймет в ней душу предка, летавшую «по небу полуночи» к небесам, в область святых идеалов.

Такова душа Плещеева, отразившаяся в его стихотворениях. Молодежь 60-х и 70-х годов заучивала их наизусть, и для многих они покажутся знакомыми песнями, лишь стоит напомнить их мотив. Кто не помнит, например, этой аллегорической «птички», к которой обращается поэт с вопросом:

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края? ¹

В этом стихотворении (вошедшем во многие хрестоматии) отпечатлелась более всего душа поэта, пылкая, но незлобивая, молящаяся творцу за меньшого брата и за бедняка, которого он зовет не на злобную борьбу и восстание, а на примирение с жизнью и с своею судьбою посредством веры в лучшую будущность.

Идеалист-шестидесятник здесь вылился весь.

Итоги идеалов плещеевской эпохи подведены уже в таких капитальных публицистических трудах, как «Десять лет реформ» Головачева и «Из

эпохи великих реформ» Джаншиева ². Роль поэта в этом движении «вперед без страха и сомнений» ³ была одна из видных, потому что в общем хоре «тружеников пера» А. Н. Плещеев был одним из запевал, и его запевки, как «Трудились, бедные, вы, отдыха не зная» ⁴, или

Птичка божия проснулася с зарею,
А уж пахаря застала за сохою;
Полетит она к лазурным небесам
И что видит в селах — все расскажет там:
Скажет птичка богу, что бедняк страдает,
Что кровавым потом ниву орошает... ⁵

— все эти песни о труженике-крестьянине, не знающем просвета и личной свободы, много способствовали просветлению умов насчет самых основных вопросов нашей гражданственности, как освобождение народа от крепостной зависимости.

Вообще принято относить Плещеева к поэтам второстепенным, при сравнении его, например, с Некрасовым; но где мерка для разделения поэтов на разряды? Более прав на место первостепенного поэта имеет тот, кто дольше проживет в грядущих поколениях. А муза Плещеева никогда не утратит своего обаяния, потому что она служила не одному преходящему интересу дня, а и вечным идеалам добра и правды.

В частности, поэт заслуживает величайшей благодарности за теплое отношение его детски-чистой души к детям. Его стихотворения для детского возраста, в устном чтении, всегда будут представлять лучшую прелесть детского лепета. Так легко и так охотно заучиваются эти стихи крошечными малютками!

Кроме того, в продолжение своей литературной деятельности Плещеев успел ознакомить русскую читающую публику в переводах, почти со всеми более или менее известными современными ему европейскими поэтами. Как переводчик, по умению схватить дух подлинника, Плещеев занимает одно из первых мест в ряду русских поэтов, близкое к Жуковскому. Он переводчик решительно со всех языков ⁶.

Он работал много и в труде была его жизнь и наслаждение.

Мы думаем, что это и было лучшее наслаждение в жизни поэта, а не то, которое приписывает ему г. Вейнберг в качестве близкого друга.

Вообще, предпосылаемая прекрасному изданию сочинений А. Н. Плещеева статья г. Вейнберга оказывает поэту неважную услугу.

Во-первых, г. Вейнберг в статье говорит больше о себе, чем о своем друге, а во-вторых, постоянно низводит последнего на степень какого-то труженика «из-за куска насущного хлеба», что мало гармонирует с творчеством ⁷.

По всей вероятности, А. Н. Плещеев как талантливый поэт и желанный сотрудник лучших изданий никогда не знал бедности, достойной вздохов г. Вейнберга, а если судьба и знакомила его с нуждами, то без этого знакомства, может быть, муза поэта «для труждающихся и обремененных» была бы звук пустой. Некрасова за это именно и укоряют, что он плакал о народе в то время, когда разъезжал в колясках и ставил тысячные куши на одну карту.

Статья г. Вейнберга, вопреки его усердию, очень тускло и неверно освещает личность Плещеева, не говоря о слишком тяжелом, дубоватом ее изложении, состоящем, например, из таких антилитературных, длиннейших периодов: «И вот тут, посылая последний привет незабвенному Алексею Николаевичу, я не мог, конечно, не остановиться на той страшной иронии судьбы, которая, заставив нашего поэта в течение многих, <многих> лет испытывать весь непосильный ужас неустанного труда из-за насущного хлеба, как будто нарочно послала ему материальное избав-

ление, возможность полного отдохновения только на несколько коротких лет, чтобы подразнить его, показать, как сладок этот отдых, как сладко жить, не работая под гнетом суровой, убивающей душу и тело необходимости»⁸. Таким языком говорит г. Вейнберг, и жаль, что в предисловии к изданию не поговорил более искусный оценщик поэзии...

Делая этот упрек мимоходом собственно г. Вейнбергу, о самом издании стихотворений Плещеева, сделанном его сыном, мы должны сказать, что оно представляет верх заботливости издателя о всяких мелочах и внешней роскоши.

Типография г. Стасюлевича за подобного рода издание на предстоящей выставке печатного дела смело могла бы рассчитывать на высшую награду. В любой библиотеке «Сочинения Плещеева» послужат ее украшением.

«Новое слово», СПб., 1894, № 10, стр. 341—344. Подпись: И. А. Б—н.

Рецензируемая книга — первое посмертное издание стихотворений А. Н. Плещеева (1825—1893).

¹ «Птичка» — «Стихотворения А. Н. Плещеева (1846—1891)». СПб., 1894, стр. 64. Далее при ссылке на это издание указываются только страницы.

² А. А. Головачев. Десять лет реформ. СПб., 1872; Г. А. Джаншиев. Из эпохи великих реформ. М., 1892.

³ Начальная строка юношеского стихотворения Плещеева, ставшего революционной песней. Этим стихотворением открывается рецензируемый Буниным сборник (стр. 3).

⁴ «Трудились, бедные вы, отдыха не зная...» — стр. 68.

⁵ «Подражание Сырокомле. „Птичка“» — стр. 509.

⁶ Вторая часть рецензируемого сборника включает около 200 переводов с английского, немецкого, французского, венгерского, польского и украинского языков.

⁷ Книге была предпослана статья П. И. Вейнберга «Памяти Алексея Николаевича Плещеева». Бунин имеет в виду цитируемое им ниже место статьи.

⁸ Там же, стр. VIII.

А. А. КОРИНФСКИЙ. ПЕСНИ СЕРДЦА

Стихотворения 1889 — 1893 гг. Москва, 1894

Этот изящно изданный томик невольно обращает на себя внимание. Г. Коринфский начал писать сравнительно недавно, но работает он много и, очевидно, с любовью, так что стихотворений, написанных с 89 по 93 г. включительно, хватило на книгу почти в 400 страничек. Говорим «с любовью», во-первых, потому, что только тот, кто любит свое дело, работает много, а во-вторых потому, что эта любовь сказывается в той искренности, в той задушевности, которая звучит во многих песнях молодого поэта. Это действительно «Песни»: г. Коринфский прежде всего лирик; это — действительно «песни сердца», молодого сердца, которое любит и воспевает все, что должно любить молодое, чуткое сердце: в песнях г. Коринфского много мотивов любви — любви, звучащей почти страстью; много картин природы, много грусти и грустных, поэтических образов. Стихом г. Коринфский владеет очень свободно, настолько свободно, что это даже вредно иногда его стихотворениям: он увлекается мотивом, увлекается легко и звучно льющемся* стихом и порой чувство не достигает силы выражения, а картина рисуется расплывчато, не в главных деталях, теряет ясность; порой поэт не вдумывается в то, что хочет изобразить, настолько, чтобы изображаемое вышло жизненно и ярко. В этом всегда сказывается молодость художника. Но советуем г. Коринфскому, как и многим нашим молодым поэтам, строже быть к себе в этом отноше-

* В газете опечатка: вьющимся.

нии — это их общий крупный недостаток. Нужно больше вдумываться в поэтический образ, нужно больше прислушиваться к сокровенным звукам сердца... За всем тем, мы желаем полного успеха г. Коринфскому и надеемся на этот успех.

«Орловский вестник», 1895, № 281, 20 октября. Подпись: И. А. Б.

А. КОРИНФСКИЙ. ТЕНИ ЖИЗНИ
(Стихотворения. 1895 — 1896 гг. СПб., 1897)

А. КОРИНФСКИЙ. ВОЛЬНАЯ ПТИЦА И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ. СПБ., 1897

«Моих много есть сочинений... Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: „Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь“. Думаю себе: „Пожалуй, изволь, братец“. И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях... Я, признаюсь, литературой существую...». Эти слова Хлестакова могут повторять многие из современных сочинителей и повторять не смущаясь, ибо в их устах это будет не ложь, а истинная правда. Много теперь пишут гг. сочинители. И все случаем: то театральная дирекция попросит водевиль или трагедию, то знакомый редактор десяток стихшков, рассказ к рисунку или романчик. Потребность в водевилях, трагедиях и романчиках растет, «случай», значит, нередки, остается только уметь пользоваться ими. И сочинители пользуются, тем более, что многие из них в совершенстве награждены «легкостью в мыслях» и другими хорошими качествами.

Помнит ли г. Коринфский названия своих сочинений? Признаемся, до последнего времени мы были мало осведомлены о его деятельности, но теперь мы «изумлены!» Оказывается, что с 1889 по 1896 г. им написано *одних стихотворений более 1000 печатных страниц* — четыре тома под замечательнейшими заглавиями: «Песни сердца», «Черные розы», «На ранней зорьке» и «Тени жизни». При этом производительность г. Коринфского с каждым годом увеличивается в возрастающей прогрессии: так, с 1889 по 1893 г. им написано 388 страниц стихов, то есть по 97 страниц в год, с 1893 по 1895 г. — 294 страницы или по 147 страниц в год, а за последний год — уже 263 страницы¹. (Очевидно, что гигантские успехи производительности труда замечаются в наше время не только в сфере промышленности, но и в области творчества.) Что же будет, если господь продлит Коринфскому века?.. Ведь деятельность г. Коринфского не ограничивается одним стихотворством: перед нами лежит еще книга его рассказов в 327 стр. Кроме того, г. Коринфский восстанавливает тексты русских былин, пишет биографии русских писателей (например, Кольцова), состоит редактором журнала «Север», одним из помощников редактора «Правительственного вестника» и плодовитым рецензентом во многих газетах и иллюстрированных журналах. Наконец, некоторые из сочинений г. Коринфского *предполагаются*: например, на каждой его книге пропечатано, что скоро выйдет его новый труд: «Современная русская поэзия»...² А как переводчик г. Коринфский еще более неутомим: мы просмотрели четыре тома его стихов и встретили там переводы с *латинского, английского, датского, немецкого, старонемецкого, французского* (в том числе и с бретонского наречия), *итальянского, польского, сербского, хорватского и грузинского языков!!* Очевидно, что г. Коринфский все эти языки знает прекрасно, иначе как же переводить с них? А сколько языков он еще «предполагает» изучить! А сколько он знает русских старинных и местных слов, и никому не известных: «жарник», «шалашка», «скусне», «неуемый», «понизью», «не впусе», «разгарчивый», «начухахтаться», «рыбака», «пожни», «пазари», «зернь», «гули-рбзмысли», «празелень»,

«докука» и т. п. слова попадают на каждом шагу в его произведениях... А какой любвеобильный г. Коринфский! Как обширен и разнообразен круг его друзей и приятелей! Мы насчитали 51 лицо, которым посвящены его стихи и рассказы! В числе их мы встречаем Мамина-Сибиряка, Златовратского, Засодимского, Немировича-Данченко, с одной стороны, и Случевского, Н. Аксакова, Н. Александрова — с другой стороны; затем — Лизу и Колю Ключиных, Надю и Верочку Егоровых, Леночку Мал-кую, Ванюшу Белоусова, Сашу Ковалеву, Шурочку Случевскую, Вадю Быкова и т. д. и т. д. Не забыты и покойники: есть стихотворения, посвященные памяти Щербины, Ядринцева, Садовникова, а также како-го-то г. Мандрыкина...

О чем же пишет г. Коринфский? Прочитавши «Песни сердца» и «Черные розы», мы заметили, что г. Коринфский воспевает, главным образом, русалок, Поволжье, святорусских богатырей на борзых конях или с гуслиями-самогудами, приход «Весны-Чаровницы» (иначе «солнечные заигрыши»), «грезы» и «слезы» и «роковую страсть безумную»: «Не вино опьяняет меня, а твои огневые глаза — две гремучих (?) змеи...» — восклицает он при этом. А когда вздумает пофилософствовать, то рассказывает, что «не вычерпать моря бездонного чашей», что «жизнь — пучина многоводная», что «жизнь — поэма многотомная» или что

Без веры нет жизни,
Без мысли нет чувства,
Без жизни нет веры,
Без чувства нет мысли!..

На те же самые темы написаны стихотворения и нового сборника г. Коринфского «Тени жизни». Только тон его лиры стал грустнее за последнее время:

Нет и не видно зари ниоткуда,
Тени, что камни, за грудой груды,
Падают с неба, растут предо мной... —

жалуется он читателю. «Тени, что камни»... Каково сказано-то?

Беллетристика г. Коринфского доказывает еще большую «легкость» в его мыслях. В одном из его рассказов мы узнаем о некоей Зинаиде Павловне, утомленной любовными похождениями (это-то и есть «вольная птица»), и о бедном молодом человеке, который, выпивши бутылку водки, пытается склонить ее на новую любовь. В другом — о том, как пьяницу и ловеласа чиновника избил ревнивые мужья так, что «от его густых, как дремучий лес, и черных, как вороново крыло, усов не осталось и следа». В третьем — о том, как пьяные сапожники (г. Коринфский уверяет, что это были интеллигентные люди, которые перепились после разговора о народничестве) отправились в публичный дом... да, в этом состоит и весь рассказ!.. В четвертом — под гуслирный звон г. Коринфский воспевает грусть покоренного хана сибирского Кучума. В пятом — рисует шалунью Любочку, великосветскую барышню, причем эта барышня почему-то разговаривает на жаргоне арфьянок. В шестом — передает повествование деревенского «парня» о «заснобушке». «И полюбись мне, говорит этот парень, полюбись, ни на-что глядя, дочка маво хозяина, — Пётрой Ларивоньчем его звали, — дочка, мол, евоная... Из господов был он... И полюбись, мол, мне Петры Ларивоньчева дочка, Лизавета Петровна, стало быть, — да так — хоть помирай и то в пору... Парень-то, мол, я был из себя ничаво... За голос, за ейный она и полюбись мне всего больше...»

Но на этом дивном воспроизведении народного языка можно и кончить. Если читатель будет недоволен, что мы так долго утруждали его внимание

характеристикой г. Коринфского, то пусть он вспомнит, что г. Коринфский не один в своем роде, что ведь он считается «литератором» и что пора серьезно подумать: как быть с подобными господами «литераторами»?

«Новое слово», 1897, № 6 (март), без подписи. Авторство Бунина устанавливается на основании письма к нему А. М. Федорова от 26 марта 1897 г.: «А здорово вы отделили Коринфского-то в мартовской книжке» («Материалы», стр. 61).

Аполлон Аполлонович *Коринфский* (1868—1937) начал литературную деятельность в 1888 г. в качестве фельетониста «Самарской газеты». С 1889 г. сотрудничал в «Неделе», «Наблюдателе», «Труде» и в ряде других столичных изданий. В 1895—1904 гг. был помощником главного редактора «Правительственного вестника», в 1896—1899 гг. редактировал журнал «Север». В 1895 г. в связи с сотрудничеством Бунина в журналах, с которыми был связан Коринфский, между ними завязалась переписка, длившаяся до 1896 г. (см. наст. том, кн. 2, «Сводный обзор бунинских материалов в архивах Советского Союза»). Личное их знакомство нашло отражение в автобиографических записях Бунина 1890-х годов (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 345—346).

«Песни сердца» — первая книга Коринфского. Сочувственно отозвавшись о ней в первой рецензии, Бунин вместе с тем указывает на отсутствие глубокой мысли, на некоторые художественные недостатки стихов молодого автора и настойчиво советует ему быть строже к своему творчеству.

Последующие три года, в течение которых Коринфский выпустил четыре сборника стихов и рассказов, показали, что замечания Бунина имели основание: Коринфский превратился в поэта-ремесленника, бездумному версификаторству которого Бунин дал уничтожающую оценку, рецензируя его сборники. В своей оценке Бунин не был одинок: не менее беспощадную критику поэзии Коринфского дало «Русское богатство», охарактеризовав его как «беспринципного поэта»: «поблестев, как мыльный пузырь, он, как мыльный же пузырь, и лопнет, не оставив после себя и следа на ниве русской поэзии» (П. Ф. Гриневич <Якубович>. Обзор нашей современной поэзии. — «Русское богатство», 1897, № 8, стр. 155—156).

¹ В течение 1894—1897 гг. Коринфский выпустил пять сборников стихотворений и рассказов: «Песни сердца. 1889—1893» (М., 1894). «Черные розы. 1893—1895» (СПб., 1896), «Вольная птица и другие рассказы» (СПб., 1896), «На ранней зорьке. Стихотворения для детей» (СПб., 1896), «Тени жизни. 1895—1896» (СПб., 1897).

² К сборникам «Тени жизни» и «Вольная птица» приложено объявление о предстоящем выходе книги Коринфского: «Современная русская поэзия. Биографико-характеристики и образцы творчества ее представителей».

Н. ТЕЛЕШОВ. ЗА УРАЛ. ИЗ СКИТАНИЙ ПО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Очерки. Москва, 1897

Очень понравилась нам небольшая книжка Телешова. Написанная просто и без всяких претензий поразить читателя какими-либо «точками зрения» и дешевым остроумием, на что в последнее время стали так падки наши доморощенные «путешественники» вроде г. Крушевана, о книге которого нам пришлось говорить в одном из предыдущих выпусков нашего журнала ¹, книжка Телешова читается от начала до конца с неослабевающим интересом. Автору во время его кратковременной поездки по Западной Сибири довелось увидеть и услышать много интересного, испытать ряд новых необычных впечатлений, которыми он и делится с читателями в своих бесхитростных, проникнутых широким гуманным чувством, путевых очерках. Глубоким сочувствием запечатлены страницы книжки, посвященные рассказу о всех тех злоключениях, которые приходится испытывать русским поселенцам, этим пионерам русской культуры на востоке. «Передо мной, — говорит автор, — открылась во всей наготе странная, почти неправдоподобная жизнь наших переселенцев, — жизнь на ходу, среди невзгод и лишений, голода и холода. Эта жизнь оставила на меня (во мне?) неизгладимое впечатление всеисильной власти нужды и глубокого народного горя, доходящего иногда до полного отчаяния...» (стр. V).

Вообще переселенцам отведено видное место в книжке.

Но и помимо страниц, посвященных переселенцам, в книжке немало интересного. В главах VI и VII увлекательно описывается спуск в одну из шахт Тагильского завода, где добывается малахит, в главе III — Мотовилихинский стале-пушечный завод с его громадным в 3000 пудов молотом и чугунной наковальней весом в 40 тысяч пудов, в IV — переезд по одной из живописнейших дорог в России, именно по Уральско-горнозаводской железной дороге, в главе XXXI — путешествие в товарном вагоне по великой Сибирской железной дороге. Рассказ везде ведется живо и местами проникнут неподдельным юмором.

От всей книжки веет такой неподдельной искренностью и простотой, что читатель легко прощает автору встречающиеся местами погрешности против русского синтаксиса (например: «едва входяшь во двор, стоит на особом постаменте огромная чугунная пушка», стр. XVI).

«Естествознание и география», 1897, № 8, стр. 77. Без подписи. Авторство Бунина устанавливается по автографу (ИМЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 62).

¹ Отзыв о книге Павла Крушевана «Что такое Россия?» (М., 1896) см. «Естествознание и география», 1897, № 5. Без подписи.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК. 1898

«КНИЖКИ НЕДЕЛИ». IX

Говоря о текущей литературе, обыкновенно умалчивают о «Книжках Недели». Это и понятно, так как «Неделя» и ее книжки давно уже не имеют такого значения, какое они имели при покойном редакторе-издателе ее, П. А. Гайдебурове¹. Прежде «Неделя» интересно и серьезно отзывалась на вопросы политической и общественной жизни, а в книжках ее помещались произведения таких литераторов, как Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Гл. Успенский, Кот Мурлыка, Лесков. Теперь «Неделя» по общественным и политическим вопросам отделяется общими местами, рассуждениями, к которым можно применить слова Щедрина: «С одной стороны, нельзя не признаться, с другой — нельзя не сознаться...», а «Книжки Недели» дают сочинения писателей, известных только потому, что они пишут довольно много, давно, прилично и чрезвычайно серо. Читать все это можно, но критике тут делать нечего. И если я буду иногда отмечать в литературном дневнике кое-что из «Книжек Недели», то только потому, что «дневник» претендует, главным образом, не на критику, а на то, чтобы осведомлять читателя насчет того, что есть в книжках журналов заметного, нового, дать возможность тому, кто не следит за всеми журналами, быть все-таки в курсе дела, следовательно, не всегда говорит только о художественном материале, а вообще об интересном и полезном.

Это интересное и полезное в «Книжках Недели» находится, повторяю я, не среди беллетристических произведений; заслуживают внимания в них статьи М. О. Меньшикова, и очень жаль, что несколько последних месяцев имя этого вдумчивого и искреннего публициста не появляется в «Книжках Недели»²; затем, интересный материал дают путевые очерки проф. Краснова и Дедлова³ и, наконец, статьи г. Фирсова о финляндской литературе, литературе очень своеобразной и заслуживающей гораздо большего внимания, чем это предполагают русские читатели. На этот раз г. Фирсов знакомит нас с главою финляндских поэтов, с самым одаренным национальным финляндским писателем Иоганном Людвигом Рунебергом, имевшим очень большое влияние на всю нашу финскую окр(ину) — поэтом долга, мужества, твердости, прямодушия и братства среди людей. Интересующимся литературой смело можно рекомендовать эту небольшую, но поучительную статью г. Фирсова⁴.

Что же касается «изящной словесности», как говорили в старину, то в сентябрьской «Книжке Недели» достойно внимания только новое произведение К. Д. Бальмонта, и я ограничусь тем, что отмечу в своем «дневнике» именно одно это художественное произведение. Называется оно «Дон-Жуан» и написано в духе последнего времени, с тем оттенком, который, хотя и не совсем точно, привыкли называть «декадентским»; это «Дон-Жуан» с характером новых настроений, и вычурность и туманность, которая утрируется писателями, охваченными этими «декадентскими» настроениями, вредит и отмечаемому произведению; видно, писатели на этом пути еще не сумели стать достаточно серьезными и простыми. Но в общем, новое стихотворение г. Бальмонта выдвигается среди многих его произведений и написано настолько местами сильно и интересно, что мы позволяем себе привести его целиком⁵.

«РУССКОЕ БОГАТСТВО». IX КН.

Нельзя не обратить внимание на симпатичное отношение «Русского богатства» к молодым писателям, в то время как большинство наших журналов заботится главным образом о том, чтобы приобрести для журнала и для читателей произведения «имен», почти не заботясь о том, под чем эти имена подписаны. Это и легко и приятно, а главное, освобождает от лишних забот: никому из читателей не придет в голову обвинять издателей и редакторов за плохие произведения, подписанные хорошими именами. Имена и должны отвечать за каждую свою строку.

«Русское богатство», однако, только выигрывает от своего гостеприимства, так как там не редкость встретить свежее художественное произведение, подписанное неизвестным или малоизвестным именем, которое, однако, порой внушает надежды на то, что это имя со временем будет известным. К числу таких имен относится и выдвинутое в последние годы «Русским богатством» имя А. Куприна.

Первое произведение, с которым г. Куприн выступил в литературе, была, насколько мне помнится, повесть «Молох», очень одобрительно приветствованная критикой. Г. Куприн издал вскоре после этого книжку своих рассказов, о которых я писал летом⁶.

В последней книжке г. Куприн выступил с очерком «В лесной глуши», очевидно, представляющим начало серии рассказов под этим общим названием⁷.

Дело происходит в Полесье. Автор, на фоне унылой и диковатой полесской природы, рисует несколько фигур полещук: сотского Кириллу, полесовщика Талимона и крестьянина Александра.

Ночью, в ожидании рассвета, три охотника: Кирилло, Талимон и автор — сидят у огонька, и, мало-помалу, завязывается у них беседа в жуткой тишине прохладной апрельской ночи, проникнутой теплыми парами земли, недавно освободившейся из-под снега, которые, как привидения, цепляются за ветки деревьев и бродят между стволами ожившего леса, как бледные призраки невежества, придавленности и уныния, которые тяготят над этой землей.

И рассказы ведутся под стать этой ночи. Это суеверные легенды о ведьмах и проклятых душах, такие же унылые и смутные, как полесская природа. Язык везде строго выдержан и колоритен. Картины природы нарисованы сжато и с настроением... Вот характерный отрывок из этих описаний:

«Теплый, безветренный день угас. Только далеко на горизонте, в том месте, где зашло солнце, небо еще рдело багровыми полосами, точно оно было вымазано широкими узорами гигантской кисти, омоченной в кровь. На этом фантастическом фоне отчетливо рисовалась зубчатая стена ка-

А. И. КУПРИН

Фотография. Гатчина, 1914—1915 гг.

С дарственной надписью:
«И. А. Бунину — А. Куприн
и Сапсан II с любовью»
Парижский архив Бунина

зенного хвойного леса грубым, темным силуэтом, а торчавшие над ней кое-где прозрачные, круглые верхушки голых берез, казалось, были нарисованы на небе легкими штрихами нежной туши... Воздух уже потемнел, и в нем выделялся ствол каждого дерева, каждая веточка, с той мягкой и приятной ясностью, которую можно наблюдать только раннею весною по вечерам. Слышалось иногда, как густым басом гудит, пролетая где-то очень близко, невидимый жук и как он, сухо щелкнувшись о какое-то препятствие, сразу замолкает...»

Мягко и поэтично описан тетеревиный ток, в нескольких строках передано впечатление, которое производит костер в лесу ранней весною:

«Поджариваемое сало заворчало и, растапливаясь, капало в огонь синими горящими каплями.

Раскаленные угольки с треском выпрыгивали из костра и, описав в воздухе искристую дугу, падали за нами. Становилось жарко. Мы разлеглись поудобнее, ногами к огню, головой наружу, и долго все трое возились, уминая под собой место и выгребая сухие веточки и сосновые шишки, мешавшие лежать. *Потом все притихли и молча глядели на пламя, охваченные тем странным гипнотическим очарованием, которое ночью так властно и так приятно притягивает глаза к огню.*

К их огоньку подходит фигура крестьянина, который, как призрак, блуждает этой ночью, угнетаемый страданием и горечью, вызванными неладными в семейной жизни.

Его жена — гулящая баба, и измены ее тяжким камнем ложатся ему на душу. С первым же появлением этой фигуры чувствуется уже какое-то неуловимое трагическое дуновение в этой ночи, от которой веет непонятным ужасом и как будто ожиданием ужаса. Александр в эту ночь убивает свою жену, и это убийство вплетается в настроение и картину этой ночи как один из основных элементов ее.

Рассказ написан сдержанно, умно, с настоящим чувством меры, характеризующим г. Куприна как безусловно талантливое художника.

В этой же книжке «Русского богатства» напечатана небольшая повесть молодой и симпатичной писательницы Л. Авилевой — «Наследники».

Перед читателем — наследники отживающего и отжившего свой век барства, разоренного и придавленного бессилием и... безденежьем, цепляющегося за обломки широких и благородных в известном смысле традиций.

Второе поколение — наследники мелкого дворянства, некогда униженного их более счастливыми покровителями... Неутешительны отпрыски знатного барства, но еще неутешительнее отпрыски мелкого дворянства.

Эти «наследники», как характеры, — не новы в нашей литературе, но сопоставление сделано удачно и итог подведен весьма смело. Надо приветствовать это произведение молодой писательницы как значительный шаг вперед на литературном поприще ⁸.

Кроме этих двух отмеченных мною произведений, последняя книжка «Русского богатства» обладает еще несколькими беллетристическими новинками, заслуживающими внимания.

Что касается так называемого «серьезного» отдела книги — достаточно назвать имена: Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, Н. Ф. Анненского, В. Г. Короленко, который выступил в качестве публициста с остроумной статьей, направленной против доклада священника Блинова по поводу мултановской истории, затем — В. В. Водовозова, Дионео и др. ⁹, и читатель поймет, что эта книжка симпатичного журнала представляет собою — *embarras de richesse* ¹⁰.

«Южное обозрение», 1898, № 594 и 624, 24 сентября и 26 октября. Подпись: И. Чубаров.

В 1898—1899 гг. в «Южном обозрении» было напечатано пять обзоров периодической печати под общим заглавием «Литературный дневник», за подписью «И. Чубаров» и «Ч—ов». Принадлежность этого цикла Бунину устанавливается по первому из этих псевдонимов, которым был подписан очерк «„Шаман“ и Мотька» (см. настоящ. кн., стр. 154).

Кроме двух публикуемых статей, в «Литературный дневник» вошли обзоры очередных номеров журналов «Русское богатство» (1898, № 10) и «Мир божий» (1898, № 10; 1899, № 5) — см. «Южное обозрение», 1898, № 611 и 636, 12 октября и 7 ноября; 1899, № 805, 10 мая.

¹ «Неделя» (СПб., 1868—1901) — еженедельная газета либерально-народнического направления. В 1870—1880-х годах пользовалась значительным успехом в провинции, так же как и ее ежесемечное литературное приложение «Книжки Недели» (1885—1901). Ниже Бунин дает вполне точную характеристику «Книжек Недели», которые во времена его юности были одним из главных источников его знакомства с современной литературой. С ними были связаны и первые годы его собственной литературной деятельности: по приглашению П. А. Гайдебурова, редактора-издателя газеты, Бунин с 1891 г. стал печататься в «Книжках Недели». С 1893 г., после смерти Гайдебурова, издателем «Недели» и ее приложения стал его сын В. П. Гайдебуров.

² Михаил Осипович *Меньшиков* (1859—1919) — известный публицист, в 1880-х — нач. 1890-х годов был главным сотрудником «Недели» и ее «Книжек». Его литературно-критические статьи, публиковавшиеся там, носили отпечаток идей Толстого, что, вероятно, и привлекало к нему Бунина. После прекращения «Недели» Меньшиков круто изменил свои позиции и, став постоянным сотрудником «Нового времени», превратился в беспринципного журналиста, чья политическая ориентация менялась в зависимости от конъюнктуры.

³ В «Книжках Недели» за 1898 г. систематически печатались путевые очерки А. Н. Краснова («От Суэца до Каира», «В горах и предгорьях Кавказа» — № 6, 9, 10) и В. Л. Дедлова («Семидневный год. Путешествие из Владивостока в Одессу», «Через Сибирь. От Петербурга до Владивостока» — № 1, 2, 4 — 9).

⁴ В 1898 г. в «Книжках Недели» было опубликовано несколько статей В. Фирсова о финляндской и шведской литературе (№ 1, 3, 4, 9). Последняя из них («Финляндский национальный поэт») была посвящена творчеству Иоганна Людвиг Рунберга (1804—1877); характеризуя его, Бунин почти дословно повторяет слова автора статьи (ср. «Книжки Недели», 1898, № 9, стр. 158).

⁵ Далее следует полный текст стихотворения К. Д. Бальмонта «Дон-Жуан, Пять отрывков из ненаписанной поэмы» («Книжки Недели», 1898, № 9).

⁶ А. И. Куприн начал свою деятельность в «Русском богатстве». Бунин ошибся, считая повесть «Молох», опубликованную там (1896, № 12), первым его произведением. Ей предшествовали рассказы «Впотьмах», «Лунной ночью», «Дознание», «К славе» (1893, № 6—7, 11; 1894, № 8, 12). Рецензия Бунина на первый сборник рассказов Куприна («Миниатюры». Киев, 1897) не обнаружена.

⁷ Основание для такого предположения давало заглавие, под которым в «Русском богатстве» (1898, № 8) был впервые опубликован рассказ «Лесная глушь»: «В лесной глуши. 1. Досвиток». Очевидно, вторым рассказом предполагавшегося цикла должна была стать «Олеся» (см. А. И. К у п р и н. Собр. соч. в шести томах, т. 2. М., 1957, стр. 577).

⁸ В повести Л. А. Авилевой Бунина привлекла проблема, в ней поставленная, — судьба русского помещика дворянства, истории вырождения которого впоследствии был посвящен «Суходол», волновала его еще в начале творческого пути (ср. очерки «Шаман» и «Мотька», «Помещик Воргольский» — *настоящ. кн.*, стр. 148—154 и 162—172).

⁹ В рецензируемом номере журнала были напечатаны: статья Н. К. Михайловского «О г. Максиме Горьком и его героях», посвященная разбору творчества Горького в связи с выходом его «Очерков и рассказов» (СПб., 1898); современное обозрение С. Н. Южакова («Политика»); статья Н. Ф. Анненского («К вопросу о неурожаях последних лет»); статья В. В. Водозова («Политические партии Австрии»; корреспонденция Дионео «Из Англии»; статья В. Г. Короленко «По поводу доклада священника Блинова (новые факты в области человеческого жертвоприношения)» была продолжением той борьбы, которую он вел в 1894—1896 гг., добиваясь оправдания крестьян, несправедливо осужденных по мултанскому процессу.

¹⁰ Буквально: «затруднение от избытка» (*франц.*). Эта поговорка употребляется обычно в смысле: такое изобилие, что трудно на чем-либо остановиться.

Н. ТЕЛЕШОВ. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ.

М., 1899

Г. Телешов — один из наиболее талантливых и симпатичных беллетристов, выступивших за последнее время на литературное поприще. Дарование его сказалось еще в первой книге его рассказов, вышедшей, если не ошибаемся, года три тому назад под заглавием «На тройках»¹. Но в первой книге рассказов г. Телешова было и несколько слабых вещей, так что она прошла мало замеченной в печати. «Повести и рассказы» производят более цельное впечатление и уже отмечены рядом очень сочувственных рецензий. Г. Скабичевский посвятил им целый фельетон в «Сыне отечества», а «Новое время» поставило г. Телешова даже выше Короленко. До Короленко г. Телешову, конечно, еще очень далеко, но нам понятны даже такие преувеличенные похвалы. Они вытекают из того особенного впечатления, которое производит г. Телешов своей оригинальностью, искренностью и наблюдательностью на читателя. У него нет того «литературного пустословия», которым страдают многие из новых беллетристов, нет фальшивых нот в повествованиях. Чувствуется, что г. Телешов описывает только то, что хорошо знает и что действительно дорого или интересно ему; рассказывает он необыкновенно просто, точно и сжато, с умом и наблюдательностью здоровой и хорошей натуры. Если же прибавить к этому, что рассказы его затрагивают интересное и мало известное большинству: сибирскую природу, инородцев, быт переселенцев и нового московского купечества, то станет понятно, почему его книга имела и будет иметь несомненный успех, которого мы с своей стороны от души ей желаем.

«Южное обозрение», 1899, № 852, 2 июля. Без подписи.

О рецензируемом сборнике Телешова и критических откликах на него см. в переписке Бунина и Телешова (настоящ. кн., стр. 490—494). Авторство Бунина установлено по этому же источнику.

¹ Этот сборник («На тройках. Очерки и рассказы». М., 1895) был первой книгой Н. Д. Телешова.